

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ I

Феноменология. Восприятие. Этика

Часть 3

Введение: ситуации знаний/
отношения с другими

Цель: изложить теорию литературы в сочетании с такими понятиями, как феноменология, восприятие и этика, определяя роль читателя как основного ценителя художественного творения с учетом его социального статуса, чувствительной интуиции и конституции разума.

Основные идеи:

- Кант о врожденных силах разума.
- Эдмунд Гуссерль и его «феноменология».
- Литература – читатель – текст.
- Социализация литературы.
- Фундаментальная конституция разумного знания.
- Книги – это объекты.

Ключевые сочетания: социальная ориентация, фундаментальная конституция, социальный смысл, рациональность.

В данной лекции рассмотрим уникальный комплекс вопросов феноменологии, восприятия и этики. Здесь мы продолжим говорить о роли читателя в познании литературных произведений. Речь пойдет о таких понятиях, как интуиция, чувственный опыт, социальный статус и т. д., которым посвящены работы Канта, Гуссерля, Пуле, Бурдые.

В восемнадцатом веке немецкий философ Иммануил Кант, отвечая более ранним философам, утверждавшим, что наши идеи возникли из чувственных впечатлений нашего мозга, констатировал: врожденные силы разума формируют чувственный опыт. Поэтому полагалось, что знание не является лишь регистрацией сенсорной информации в человеческом мозгу, оно, подчиняясь принципу разума, носит временный и пространственный характер.

Определив перечень обязательств разума в отношении опыта, Кант был охвачен идеей применения их в искусстве и этике. Как было отмечено ранее, считалось, что искусство целенаправленно. Вопрос лишь состоял в реальности поставленных целей. Поэтому данные показатели рассматривались как «целеустремленность без цели». Кант обнаружил, что суждения многих ученых в отношении искусства в значительной степени сенсорны. Этика же считалась рациональной.

Ученые утверждали, что действия должны воплощать универсальный и общий принцип, каждый из которых можно было бы применить к отдельным случаям. По мнению ученых, этика, которая рассматривает и регулирует поведение людей в отношениях с другими людьми, должна быть более рациональной и целенаправленной. В этой сфере человеческого взаимодействия Кант обозначил траекторию разума в формировании этических решений и действий.

Идея Канта о врожденных способностях разума была забыта на полтора века, до тех пор, пока другой немецкий философ Эдмунд Гуссерль вновь не обратился к силам разума, пытаясь опровергнуть позитивизм как доминирующую философию девятнадцатого века. По мнению позитивистов, эмпирические факты представляли собой знание, измеримое в соответствии с его полезностью, без учета того, как в нем воплотились универсальные принципы разума. Представители данного направления полагали, что нет необходимости беспокоиться о разуме или о том, как он работает. Для них разум был лишь записывающим устройством, которое измеряло полезность фактов (необходимо написать так: разум – записывающее устройство, которое измеряет полезность фактов).

Но если разум управлялся лишь сенсорными данными, то как философия должна была прийти к принципам для принятия решения о том, что истинно, или решения о том, что хорошо, а что плохо? Если бы все, чем мы должны руководствоваться, были сенсорные факты и полезные данные, то не могло бы быть рациональных принципов, чтобы направлять знание и поведение. Гуссерль стремился решить эту проблему, отмечая, что все знания о мире в мире являются знанием знания. Потому как полагается, что в нашем сознании находит отражение не сама вещь, а ее образ. Эти ментальные объекты называются «явлениями». Философия же Гуссерля, разработанная, чтобы говорить о них, рассматривалась как «феноменология».

Как и Кант, Гуссерль полагал, что разум трансформировал сенсорные данные в универсальные связанные принципы, которые были формальными или абстрактными. В качестве

примера теоретик обратился к законам геометрии. Он отмечал, что в геометрии можно представить идеальный треугольник. Он существует как ментальная конструкция, но ни один фактический треугольник в мире не достигает формального совершенства. Ученый, сопоставляя примеры, приходит к выводу, что подобным же образом разум приходит к истине, извлекая из данных чисто формальную ментальную конструкцию, идею вещи. Резюмируется, что именно идея вещи, а не сама вещь, является тем, что истинно.

Естественно, врожденные интуитивные действия разума необходимы, когда вы думаете о мире. Они позволяют понять трансцендентные принципы истины, которые не ограничиваются сенсорными данными, которые принимает наш разум. В двадцатом веке маятник качнулся в другом направлении. Такие философы, как Джон Дьюи, Мартин Хайдеггер, Людвиг Витгенштейн и Жан-Поль Сартр, утверждали, что мы знаем, как мы живем в мире. Даже при абстрактной форме знаний, которая превосходит чувственные данные, все знания о мире и жизни – это знания о реальных существах, существующих в пространстве и времени.

Теоретические разработки в конце двадцатого и начале XXI века углубили эти идеи. Ряд мыслителей, от Эммануэля Левинаса до Жака Дерриды и Марты Нуссбаум, утверждали, что наши отношения с другими людьми в большой степени предполагают своеобразную маску актера. Этика, в их глазах, больше связана с тем, как мы относимся к другим, нежели с абстрактными принципами. Потому что понятие «другое», согласно их толкованию, ограничивает человеческий эгоизм и обязывает нас быть более ответственными и исполнительными по отношению к другим. Чувство, что знание находится в мировом контексте, породило понимание временных рамок в литературе. Таким образом, считалось, что литературная работа может быть издана и опубликована. Однако, согласно общим суждениям, лишь после глубокого толкования можно определить что она из себя представляет. Ведь именно разум читателя обрабатывает информацию, являясь неотъемлемой частью ее конституции. Поэтому литература носит, по сути, реляционный и нестабильный характер. Нельзя сказать, что существует лишь одно понимание, оно разное у людей в разных исторических и социальных ситуациях. Вольфганг Изер утверждал, что литература обращена к аудитории, и читатель подразумевается в тексте. Радикализирующая феноменология Стэнли Фиш предположила, что литературные тексты скрыты, пока не активируются сознанием читателя. В реальности текст не существует, если его не читать. Ханс Роберт Яус в своей работе «На пути к эстетике приема» подчеркнул социальное и историческое измерение в восприятии текста. Теоретик заключает, что тексты меняют смысл в разные эпохи, поскольку они читаются по-разному совершенно разными аудиториями. Пьер Бурдьё в эссе «Различие: социальная критика суждения вкуса» отметил, что разные социальные классы интерпретируют искусство по-разному. По словам Бурдьё, высокообразованные читатели высшего класса, по мнению автора, приравнивают качество к формальным экспериментам. Менее образованные же читатели и зрители считают, что конкретный реализм более правдоподобен для жизни, потому что более практичен. Он также отметил, что идея Канта о том, что эстетика является вопросом целеустремленности без цели, применима только к определенному социальному слою. Поэтому теоретик подытоживает, что суждения об искусстве – это реакция, зависящая от уровня образования и дохода.

В данной части Антологии Джулия Ривкин и Майкл Райан объединили вопросы феноменологии, восприятия и этики. По их утверждению, авторское отношение к литературным текстам и литературным персонажам является испытательной и учебной площадкой для этики. Для литераторов очень важно понять, как разум взаимодействует с литературой, создавая смысл в развитии эмпатии. По словам авторов, существенным для этики является забота о других и способность представить жизнь так, как если бы эта жизнь была собственной. Данный процесс сравнивается с чтением романа в контексте своей жизни.

Теория литературы в части вопросов феноменологии, восприятия и этики представлена такими работами, как «Трансцендентальная эстетика» Иммануила Канта, «Феноменология чтения» Жоржа Пуле, «Различение» Пьера Бурдьё и т. д.

Каждая из перечисленных работ была направлена, как писал Кант, на анализ «фундаментальной конституции разумного знания». Избегая всякого недоразумения, было необходимо понять и разъяснить данную концепцию в сочетании с интуитивным восприятием внешнего мира. Как отмечает Кант, «наша интуиция есть не что иное, как представление о внешности».

Как внешность, они не могут существовать сами по себе. Они существуют в нас. Какие же объекты могут быть самими по себе, нам совершенно неизвестно. Мы не знаем ничего, кроме нашего способа восприятия их, который свойственен только нам. Пространство и время – это его чистые формы, а ощущение – его материя. Только одно мы можем знать как априори, и такое знание называется чистой интуицией. Даже если мы сможем довести нашу интуицию до наивысшей степени ясности, мы не можем приблизиться к устройству объектов как таковых. Мы все равно должны знать только наш способ интуиции, то есть наше восприятие.», – констатировал Кант.

По-своему трактует мир литературы и Жорж Пуле. Для него чтение и познание литературы соизмеримо с ситуацией в незавершенной истории Малларме «Игитур», где последующее описание пустой комнаты, в середине которой находится книга, сравнивается с книгой еще непрочитанной и неначатой. Поэтому Пуле пишет: «Книги – это объекты. На столе, на книжных полках, в витринах магазинов, они ждут, чтобы кто-то пришел и избавил их от их материальности, от их неподвижности. Когда я вижу их на экране, я смотрю на них, как на животных в маленьких клетках, выставленных на продажу. Очевидно, надеясь на покупателя. Ибо – нет сомнений в том, что животные знают, что их судьба зависит от вмешательства человека, благодаря которому они будут избавлены от стыда за то, что их рассматривают как объекты. Разве это не относится к книгам? Сделанные из бумаги и чернил, они лежат там, куда их кладут, пока кто-то не проявит к ним интерес. Они ждут. Знают ли они, что акт человека может внезапно трансформировать их существование? Они, похоже, освещены этой надеждой. Кажется, они говорят – прочитайте. Мне трудно сопротивляться их призыву. Нет, книги – это не просто объекты среди других».

Литература как объект восприятия и глубокого понимания издавна привлекала исследователей-теоретиков. Как уже было сказано в предшествующих лекциях, книга, кино, театр – все виды искусства, лишь соприкасаясь с миром читателя, слушателя или зрителя, получают жизнь. Взаимосвязь художника как творца и как познающего читателя заложила почву для новых литературных теорий.

Кэтлин Маккормик отмечает, что за последнее десятилетие многие исследователи в области культурологии довольно сильно отреагировали на детерминистские позиции, которые рассматривали аудиторию подобно бессильным субъектам, которые просто «говорят» в соответствии с культурным дискурсом. Аргументируя позицию текстового детерминизма, наиболее популярную в «Теории экрана», теоретики, такие как Стюарт Холл, Пол Виллемен и Дэвид Морли, утверждали, что читатели – это не просто «субъекты текста», они также являются и «социальными темами», «которые живут в определенной социальной формации и которые погружены во множество сложных культурных систем, для которых текст является лишь одним компонентом». Хотя считается, что тексты побуждают читателей создавать «предпочтительный» смысл, по мнению Холла, большинство читателей в некоторой степени создают «согласованную» версию текста, которая содержит как «адаптивные», так и «оппозиционные» элементы. Морли же, признавая, что читатели будут строить смысл по-разному в зависимости от своих «знаний, предрассудков и сопротивлений», подчеркнул появившиеся значительные изменения в теориях субъективности, особенно в области телевидения и кино, поскольку, согласно утверждениям теоретиков, читатель или даже зритель стали рассматриваться как активные, потенциально устойчивые агенты.

Цитируя Канта, «вкус – это приобретенное стремление «дифференцировать» и «ценить», Пьер Бурдье рассуждал о схемах габитуса, первичных формах классификации. Литературовед рассматривал их эффективность в связи с функционированием на уровне ниже сознания и языка, вне досягаемости интроспективного контроля или контроля по воле. Считается, что они внедряют то, что некоторые ошибочно называют значениями в автоматических жестах. Бурдье утверждает, что они задействуют самые фундаментальные принципы строительства и оценку социального мира. Автор резюмирует: «Вкус – это практическое мастерство распределений, которое позволяет ощущать или интуитивно понимать, что человек может постичь, занимая определенную позицию в социальном пространстве. Он функционирует как своего рода социальная ориентация, как «чувство своего места», направляя обитателей определенного места в социальном пространстве к социальным позициям, приспособленным к их свойствам. Это подразумевает практическое ожидание того, что, вероятно, будет иметь социальный смысл и ценность выбранной практики».

Контрольные вопросы:

1. В чем заключается идея Канта о врожденных силах разума?
2. Как можно объяснить феноменологию Эдмунда Гуссерля?
3. Опишите соотношение: литература – читатель – текст.
4. Как социальный контекст находит отражение в литературе?
5. В чем актуальность фундаментальной конституции разумного знания?
6. Аналитическая составляющая суждения: «Книги – это объекты» в Антологии.

Список рекомендуемых ресурсов:

1. Джули Ривкин и Майкл Райан. Литературная теория: антология. Третье издание. стр. 293 – 295.